

Р. ПОГОДИН

ШУТКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД
1 9 6 7

Не было у Коли бабушек, которые пахнут оладьями и клубничным вареньем. Не было у Коли дедушек, которые позже всех спать ложатся и раньше всех поднимаются поутру. Был Коля один у родителей, и родители у Коли были одни — мать да отец. Не с кем было его в Ленинграде оставить.

И привезли родители Колю Уральцева на край земли, в самый северный, отдалённый посёлок.

Горсточку слабых огоньков увидал Коля с аэродрома. А вокруг этих тёплых, живых огоньков увидел Коля Уральцев громадную ночь, неподвижную и торжественную. Небо в звёздах, как в орденах, и чёрная мгла без конца и без края. От такого вида у Коли в носу защипало. В голове и в груди у него образовалась громкая пустота.

«Ух ты!...» — подумал Коля Уральцев, втянул уши в воротник, перевязанный толстым маминым шарфом, и долго потом молчал.

Родители определили своего единственного дорогого сына в школу.

интернат, в первый класс. Сами залезли в железный вездеход и укатили по ночному снегу ещё дальше на север. Там, на пустом берегу, в деревянной избушке предстояло им поселиться для научной работы.

О своём сыне справлялись они по радио. На зимовках всё узнают по радио: и последние новости, и насчёт работы, и о здоровье своих ребятшек.

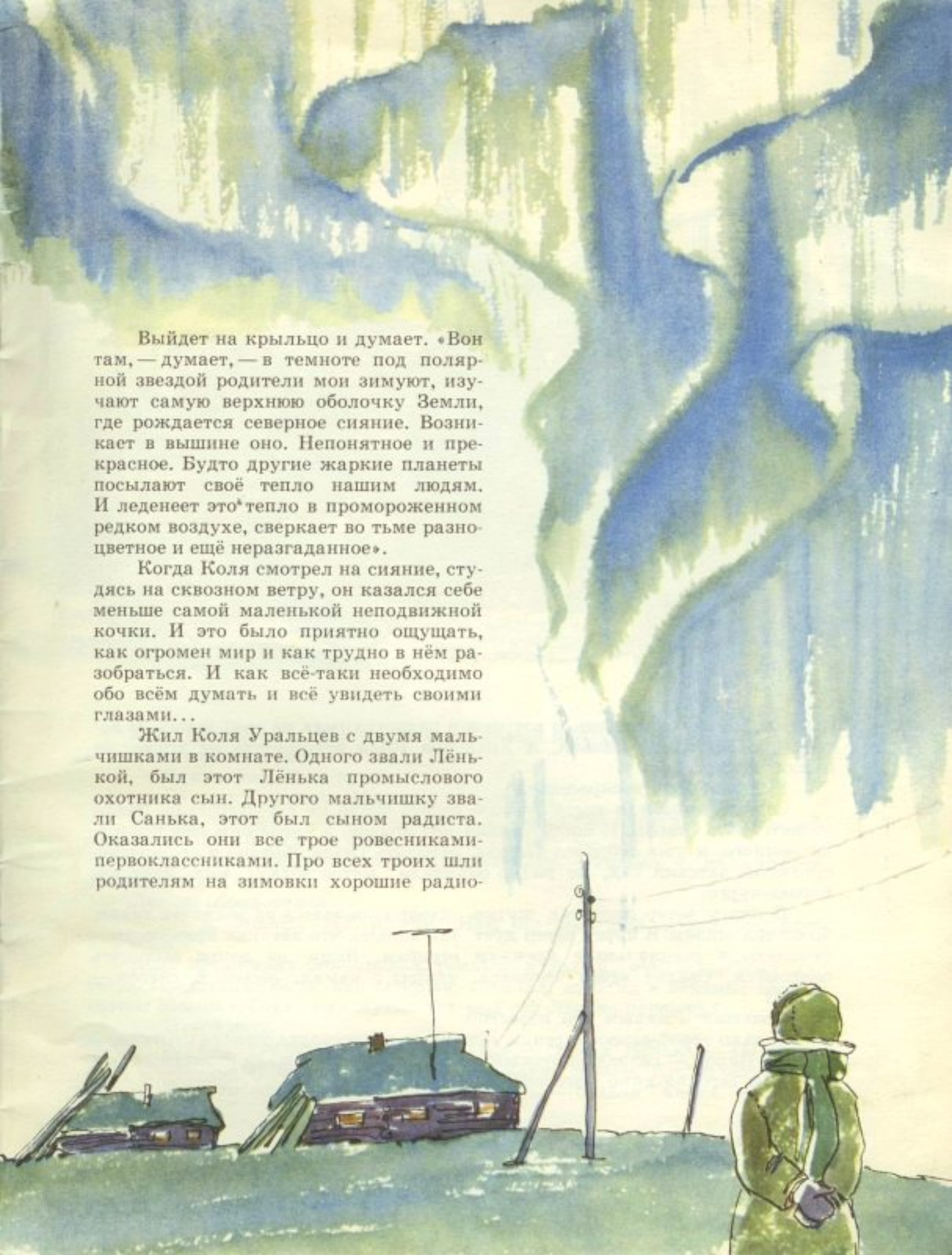
Приедет зимовщик из тундры, накормит собак, скинет меховую одежду, отдохнуть возле печки сядет, а по радио говорят:

«Слушайте, слушайте. Передаём сообщение о вашем сыне Коле. Первоклассник Коля Уральцев получил две пятёрки и одну тройку. Поведение у него хорошее. Здоровье отличное».

Сидят мать и отец на зимовке перед горячей печкой, думают о своём сыне единственном.

Коля о них тоже думает.

Выйдет на крыльцо и думает. «Вон там, — думает, — в темноте под полярной звездой родители мои зимуют, изучают самую верхнюю оболочку Земли, где рождается северное сияние. Возникает в вышине оно. Непонятное и прекрасное. Будто другие жаркие планеты посылают своё тепло нашим людям. И леденеет это* тепло в промороженном редком воздухе, сверкает во тьме разноцветное и ещё неразгаданное».

Когда Коля смотрел на сияние, стужась на сквозном ветру, он казался себе меньше самой маленькой неподвижной кочки. И это было приятно ощущать, как огромен мир и как трудно в нём разобраться. И как всё-таки необходимо обо всём думать и всё увидеть своими глазами...

Жил Коля Уральцев с двумя мальчишками в комнате. Одного звали Лёнкой, был этот Лёнька промыслового охотника сын. Другого мальчишку звали Санька, этот был сыном радиста. Оказались они все трое ровесниками-первоклассниками. Про всех троих шли родителям на зимовки хорошие радио-

граммы. Но случился день, о котором в радиogramмах не сообщалось. О котором и Лёнька, и Санька, и Уральцев Коля вспоминать не хотят, но всегда помнят.

Был этот день воскресенье.

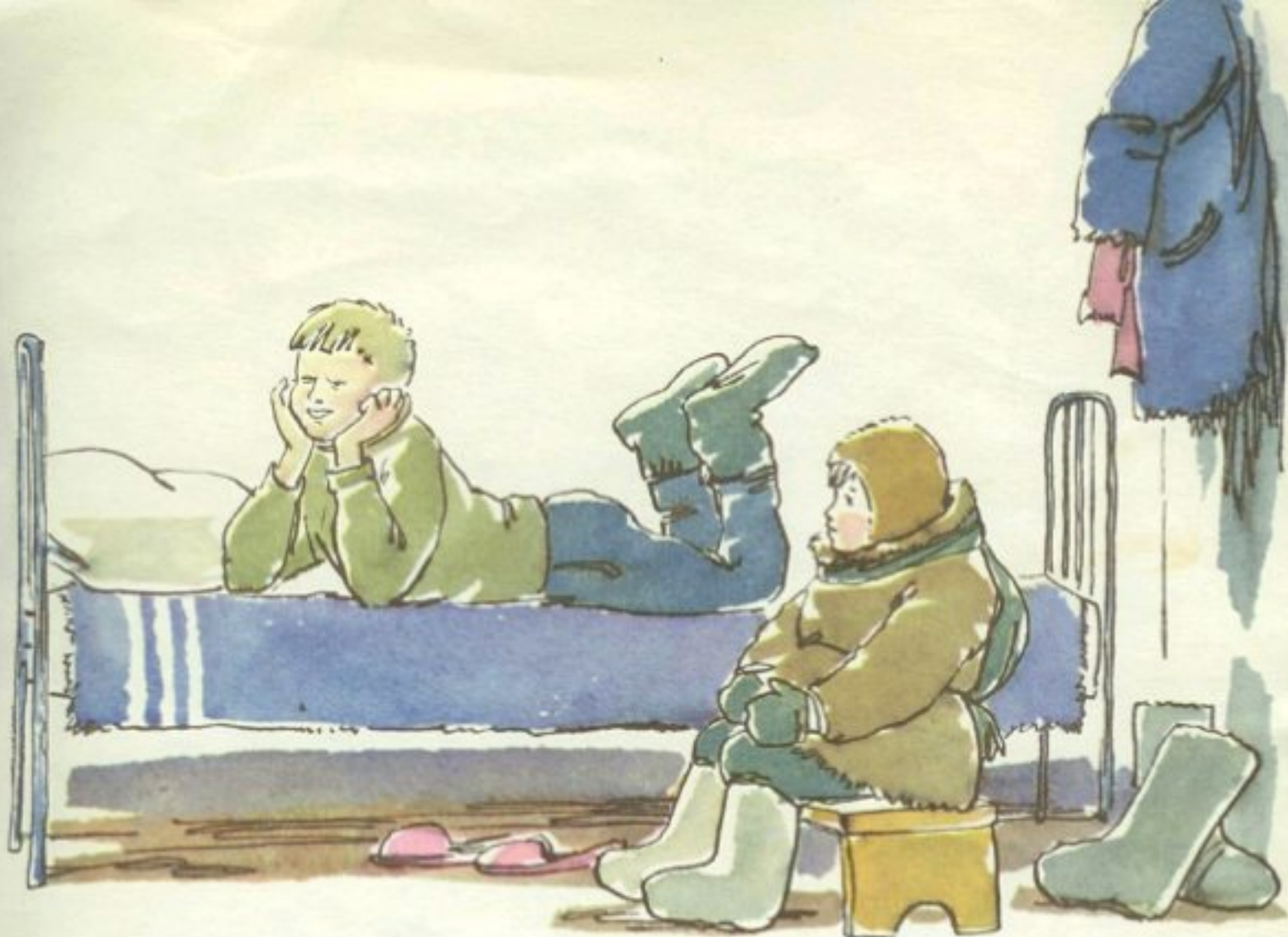
Санька привёл в гости малого своего брата из детского сада. Звали малого брата Стасом. И когда Санька его привёл, и когда они уже поиграли немного, и уже собрался Санька отводить Стаса обратно в его кругло-суточный детский сад, по радио объявили метеосводку: мол, идёт непогода-пурга.

В пургу ветер воет так жутко, словно кончается на земле его лихая, бродячая жизнь. В пургу ветер дует так сильно, что лётчики привязывают самолёты к специальным крепким столбам. Люди из домов выходить опасаются. Свалит ветер человека, ударит о камни, засыплет снегом — БЕДА!

Большим и малым это известно.

Только герой-первоклассник Лёнька к метеосводке отнёсся странно.

— Парни, — сказал он отважным голосом, — побежали быстрее на остров. Там сегодня кино интересное будут показывать.

А до острова три километра через голый пролив по льду.

Коля ему напомнил:

— Как же так. Ведь пурга.

— До пурги успеем. Мы ходко побежим.

— Мне нельзя, — сказал Санька. — У меня Стас в гостях. Он толстый, закутанный. Он быстро не может.

— Я побыстрее всех могу, — сказал Стас. — Только я не согласен. Я сейчас спать захотел.

Лёнька обрадовался.

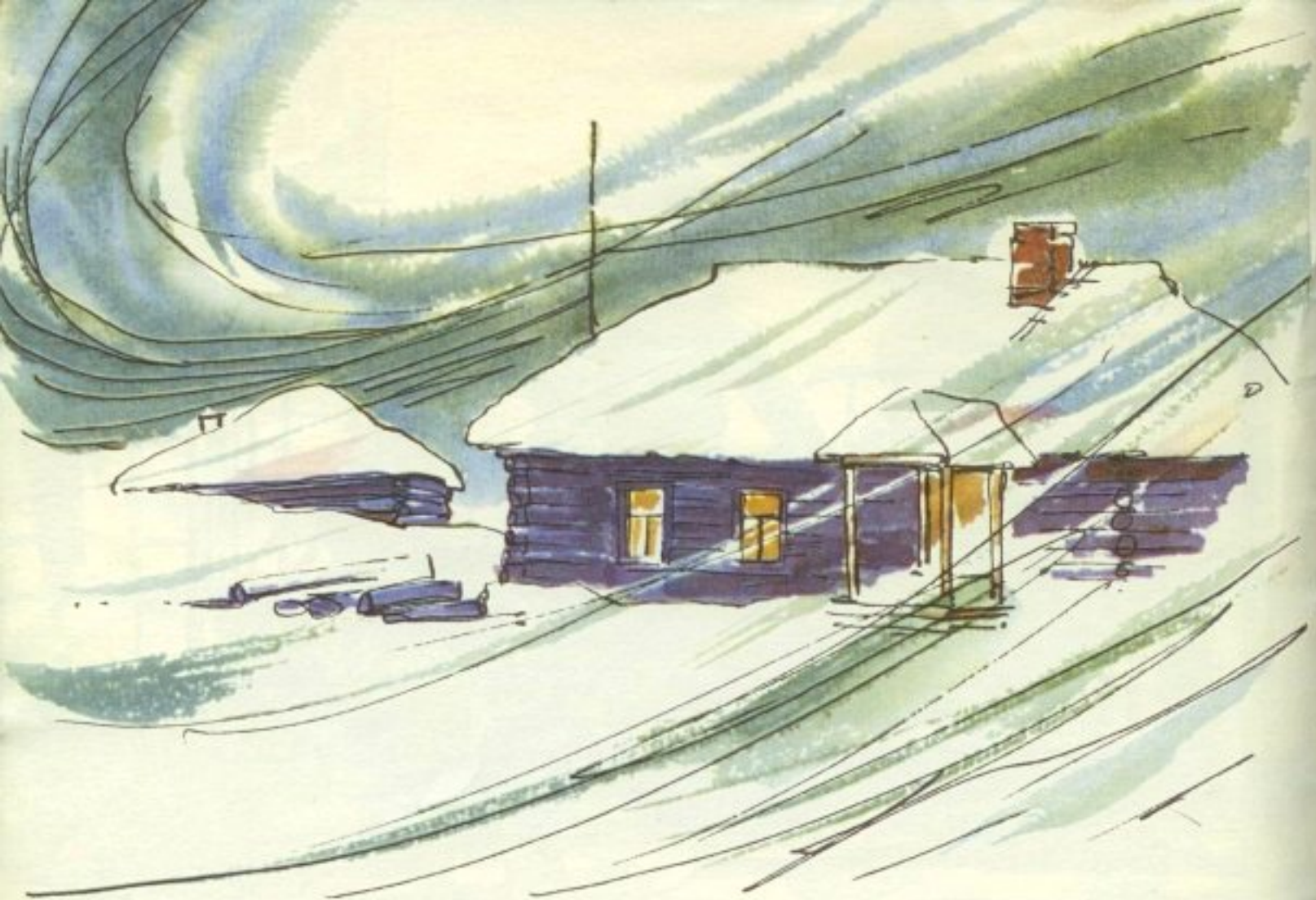
— Ну и ложись. Ну и спи. Нам без тебя ещё лучше. Мы одни побежим.

Коля представил себе пролив, тёмный и голый, очень удобный для ветра. Представил Коля, как ветер их повалил, закатил в ледяные щели и снегом засыпал. Стало ему жутко. Он ещё раз Лёньке напомнил:

— Пурга ведь.

— А ты, Уральцев Коля, не суйся, — сказал Лёнька. — Ты на севере сколько живёшь? А мы здесь уже давно живём. Кто лучше знает?

— А я не могу одного Стаса оставить, — сказал Санька. — Мне его

под честное слово дали. Может быть, я его ещё в детский сад проводить успею.

Тогда Лёнька посмотрел на них на всех свысока.

— Трусы, — сказал он, — вот вы кто. Вот не ожидал, Стас, а ты первый трус, хоть и родился на севере.

Стас немножко надулся.

— Я не трус, — сказал он. — Я маленький.

По радио объявили, что пурга подошла совсем близко к посёлку, и велели всем-всем из домов не выходить. А тем, кто ещё был в пути, приказали торопиться изо всех сил в укрытые от ветра места.

Санька пригорюнился.

— Опоздали. Придётся тебе, Стас, у нас оставаться.

— А мне всё равно, — сказал Стас. — Только вы не очень шумите. Я спать буду, сидя.

И тут Лёнька придумал.

— Знаете, — сказал он, — давайте напишем записку, будто мы все вчетвером ушли на остров кино глядеть. А сами оденемся и под кроватями спрячемся. Все напугаются, а когда напугаются — мы тут как тут. Здравсте. Вот потеха будет!

— Давайте, — сказали Санька и Коля.

Подумали они в этот момент только о том, что не нужно им по

проливу идти. Не станет их пурга с ног валить. Не укатит в ледовитое море.

— И не шумите,—сказал Стас.— Я уже засыпаю.

Приятели вырвали лист бумаги в косую линейку, на которой первоклассники пишут в тетрадках. Написали свою записку. А когда написали, оделись во всё тёплое, в чём гулять ходят. Стаса закутали. Под кровати залезли. Лежат себе тихо. Ждут, когда их спохватятся. И уснули в темноте да в тепле под кроватями.

Воспитательница проходила. Заглянула к ним в комнату. Видит, ни-

кого нет в комнате, а на столе записка. Прочитала воспитательница эту записку — и быстрее к директору. Прочитал директор эту записку — и скорее к телефону.

За окном темень. Если лицо к стеклу вплотную приблизить, станет заметно, как на улице кипит снег. Как ветер мнёт его и швыряет. Это пурга сигнал подаёт: мол, я уже здесь, я уже возле самых домов — сейчас дохну́ во всю силу.

Позвонил директор по телефону, вызвал секретаря райкома. Говорит в трубку, а сам от волнения на месте стоять не может, ходит вокруг стола.

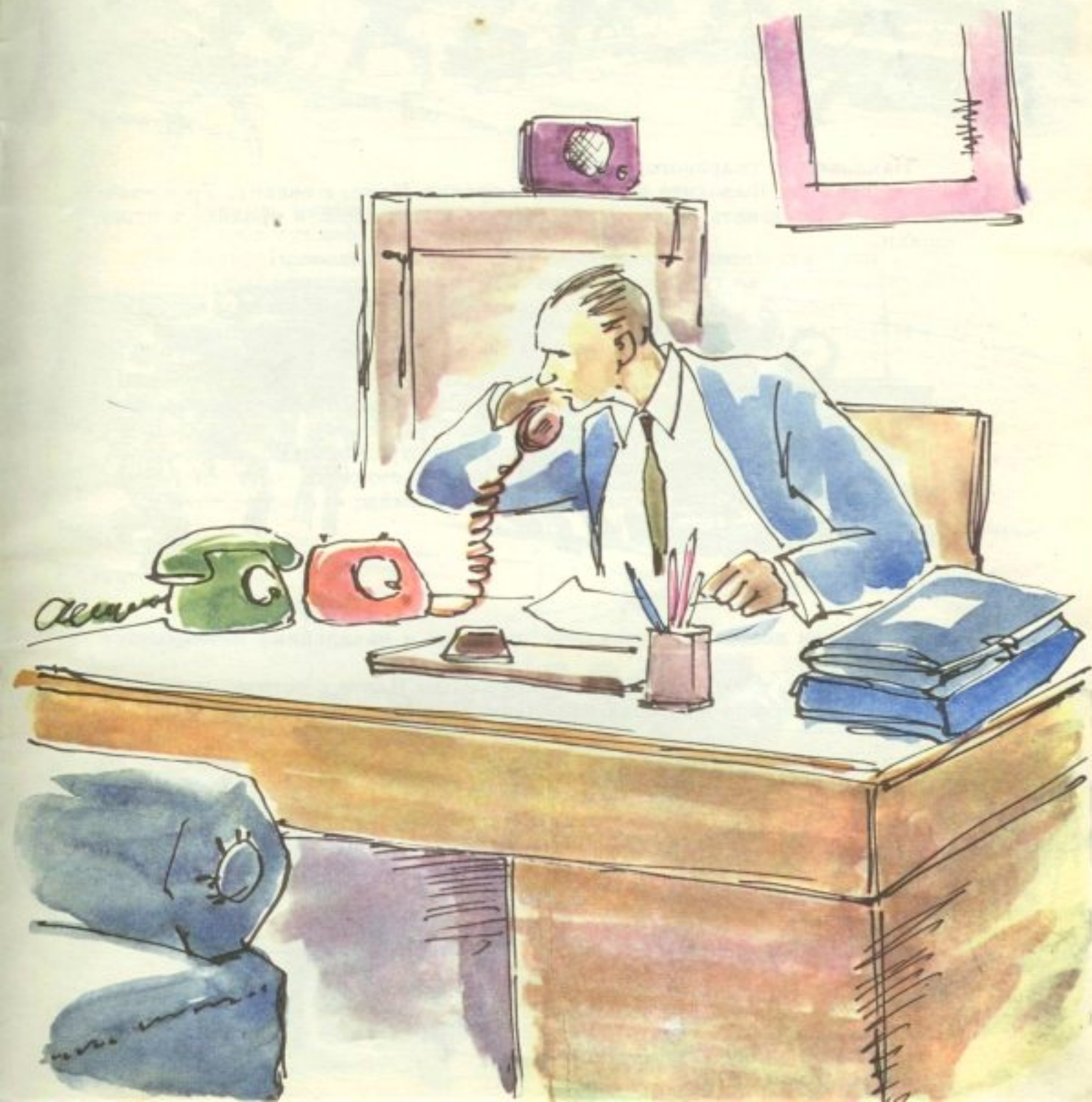
— Беда, — говорит, — у меня мальчишки из интерната на остров ушли. В проливе на голом льду их

пурга застигнет. В проливе пурга с двойной силой дует. Унесёт она ребят в океан.

— Понял вас, — сказал секретарь райкома. — Как мальчишек зовут?

— Крылов, Емельянов, Уральцов — и с ними один дошкольник, Стас.

— Ясно, — сказал секретарь райкома. — Родителям на зимовки не сообщать. Принимаю меры. — И трубку повесил. Но повесил он её всего лишь на одну секунду. И опять поднял. И поднимал несколько раз, чтобы всем, кому нужно, сказать.

Капитану порта сказал:

— Тревога. Поднимайте моряков, пусть верёвки берут, фонари электрические захватывают. Мальчишки-малыши на остров пошли.

Начальнику гидрологов сказал:

— Тревога. Выводите вездеходы в пролив. Идите к океану. Трое мальчишек из интерната и один мальчишка-дошкольник в проливе в пургу попали.

На остров позвонил, командиру лётчиков и начальнику метеорологов сказал:

— Тревога, товарищи. Поднимайте людей. Идите с острова навстречу портовикам. Четверо малышей в проливе, в пурге.

С главным охотником-звероловом поговорил:

— У тебя тут собачьи упряжки имеются?

— Есть. Несколько охотников-звероловов по делам прибыли.

— Пусть выводят собачьи упряжки. Пусть идут на них к океану впереди вездеходов. Четверо мальчишек в пургу попали.

Ещё позвонил командиру военной части. И на севере, на краю земли, солдат-пограничник в дозоре стоит — бережёт от врагов нашу Родину.

Поднялись по тревоге солдаты. Стали цепью. Двинулись в пургу, чтобы искать за каждым ледяным бугром, в каждой каменной щели. Всюду, где глаз в такую темень достанет. Всюду, где руки нашарят. Всюду, куда ноги в такую пургу дойдут. Мальчишки-малыши лёгкие, в тёплых шубах неповоротливые, их пурга далеко укатить может.

Потом секретарь райкома собрал остальных городских людей. Парик-

махеров взял, поваров, бухгалтеров, монтеров с электростанции, охотников, продавцов, учителей, которые помоложе. Спортсменов-десятиклассников взял и сам с ними в пургу пошёл.

А мальчишки Лёнька, Коля и Санька спят под кроватями. Возле паровых батарей в тёплых шубах парятся. Дошкольник Стас слаще всех спит. Похрюкивает во сне и причмокивает.

Пурга валит людей. Идут они, друг с другом верёвками связанные. Свет от фонарей упирается в бешеный снег, не достигает вперёд дальше шага. Тревожно у людей на душе. Мнится им, что уже осилил ветер четырёх ребятшек. Катит их где-нибудь далеко.

Вездеходы гусеницами грохочут, только не слышно их грохота. Пурга всякий шум заглушает. На вездеходах прожекторы. Сильно светят, да только на четыре шага пургу пробивают.

Собачьи упряжки опрокидываются. Собаки ползут сквозь пургу на брюхе.

А как ветер чуть-чуть поослабнет — бегом бегут. Ловят собаки каждый самый маленький запах — вдруг пахнёт ребятишками. Охотники-звероловы, люди к темноте да к пурге привычные, понукают своих собак:

— Давайте, милые. Почуйте ребятишек. Их спасти нужно.

Цепью идут солдаты. Молча идут солдаты. В таком аду хоть как кричи, крик даже до собственных ушей не долетит.

Один солдат, по фамилии Петров, в лунку провалился. Гидрологи во льду лунку пробили, чтобы зимнее море изучать в глу-

бине. Намок солдат Петров, и тут же на ветру его одежда заледенела.

Командир велел солдату в посёлок спешить, в больницу.

— Я же не больной, — сказал солдат. — Я только мокрый.

— Идите быстрее, — приказал ему командир. — Изо всех сил торопитесь.

Тревожные радисты шлют в пургу один только вопрос:

— Нашли или нет?

— Нет, — отвечают им из пурги.

На дальних зимовках поймали зимовщики такие радиосигналы. При-
никли к приёмникам. Каждый думает: «Может, мой сын в беде, а не мой,
таю товарища». Плохо зимовщикам: далеко они, не могут на помощь
броситься.

Директор школы устал по коридору ходить. Старый он был. Будь по-
моложе, он бы тоже пошёл в пургу.

Заглянул директор в комнату к пропавшим ребятишкам. Валенец
из-под кровати торчит. Директор этот валенец ногой шевельнул. Не пу-

стой, есть в нём что-то. Директор нагнулся, взялся за валенец и вытащил из-под кровати Стаса. Стас обратно лезет, сон свой досматривать. Директор под одну кровать заглянул, под другую. И из-под каждой вытащил по мальчишке.

— Так, — говорит. — Очень прекрасно, — говорит. — Объясните мне ваш поступок.

Мальчишки ещё не поняли со сна в чём дело, почему у директора такое усталое белое лицо.

— Мы пошутили. Мы тут...

— Хорошо пошутили... — Директор сел на кровать, сгорбился. — Не раздевайтесь. Сейчас мы в одно место пойдём. Вы там, кому нужно, объясните про вашу шутку.

По дороге директор завернул к себе в кабинет, позвонил на радиостанцию. Сказал радисту:

— Нашлись мальчишки. Они под кроватями спали. Это, извините, была шутка с их стороны. — И ещё больше сгорбился.

Радист тут же принялся посылать сигналы в пургу:

«Нашлись ребяташки... Нашлись ребяташки... Они под кроватями спали... Это была шутка с их стороны... была шутка...»

Услышали такой сигнал на зимовках. «Вот это да, — подумал каждый зимовщик. — Вот это порадовали. Может быть, среди шутников и наш сын дорогой...»

Приняли сообщение радиста спасательные отряды. Повернулись они возвращаться. Горько им стало и тяжело. Горько потому, что почувствовали они себя обманутыми. Тяжело потому, что, когда они ребяташек искали, была у них тревога за ребятачью судьбу, была надежда, что не дадут они ребяташкам пропасть. Эта тревога и эта надежда силу людям удваивали. Сейчас от обмана ослабили люди... А пурга, как назло, в своей самой лютой ярости вызрела. Прямо в лицо, прямо в грудь ледяными когтями бьёт и снизу, и сверху, и со всех сторон треплет. Старается оторвать людей друг от друга. С ног сбить. Укатить. И следы замести.

Директор вывел первоклассников Лёньку, Колю и Саньку и дошкольника Стаса из своего кабинета. Велел за собой следовать.

Школьные ребята все, как есть, в коридоре стоят, молча смотрят на шутников.

Выбрал директор троих парней посильнее. Велел им взять шутников за воротники. Сам Стаса взял. Таким образом улицу преодолели и очутились где нужно.

В больнице.

Доктора лечат солдата Петрова. Он весь поморозился в мокрой одежде. Едва до больницы добрался. Кроме солдата, в больнице ещё много людей. У кого лицо поморожено, у кого руки. И другие люди всё приходят. С ног валяются от усталости. И у всех, кто приходит, что-нибудь поморожено.

— Вот, товарищи, — сказал директор. — Это и есть те самые ребяташки. Посмотрите на них. Пусть они вам ответят.

А что тут ответишь?

— Мы пошутили, — сказал Лёнька и полез вместе со Стасом под белый больничный диван — реветь.

Санька встал в угол лицом — ревёт.

Только Коля Уральцев остался стоять где стоял. Смотрит в пол — реветь не может. Слезы у него не идут — на пути к глазам выкипают.

Молчат обмороженные люди.

А пурга за окном хохочет.

Рисунки В. Орлова

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ПОГОДИН РАДИЙ ПЕТРОВИЧ
ШУТКА

Ответственный редактор Д. Б. Колпакова.
Художественный редактор В. В. Куприянов.
Технический редактор Л. С. Филиппова.
Корректор И. Д. Немковская.

Подписано в набору 21.III.1967 г. Подписано к печати 24.VI.1967 г. Формат 60×90¹/₂.
Бум. № 1. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2. Уч.-изд. л. 2,95. Тираж 300 000 экз. ТП 1967
№ 79. Ленинградское отделение издательства «Детская литература». Ленинград.
Д-187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росгизполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.
Заказ № 69. Цена 22 коп.